

М.М. Шутова

Здравоохранение в Новоржевском уезде в конце XVIII - первой половине XIX вв.

«Реформа губернского управления», проведенная в 1775 г. Екатериной II, в числе многих мероприятий заложила основы государственного здравоохранения на местах. В штатные расписания губернских и уездных правлений вводились должности лекарей, подлекарей и лекарских учеников, в обязанности которых входило наблюдение за качеством продовольствия, проверки санитарного состояния населения, «медицинская практика всем сословиям, проживающим в городе и в уезде»¹. Процесс зарождения и развития государственного медицинского обслуживания очень удобно проследить на примере уездного города Новоржева, учрежденного в 1777 г., как раз в период означенной реформы.

Первое упоминание о должности медика в Новоржеве относится к 1786 г., когда начал «свою практику штаб-лекарь Мартын Дилье»². В 1794 г. городская ратуша фиксирует деятельность подлекаря Карла Штреймана³. Затем в течение ряда лет медицинские чиновники в городе отсутствуют, и уездным властям приходилось прибегать порой к не совсем обычным способам решения проблемы. Однажды через город проезжал с семьей обер-лекарь швед Чудениус, которого уличили в шпионаже

и до окончательного решения губернатором его судьбы оставили в Новоржеве «для медицинского пользования» под строгим наблюдением уездного пристава⁴. И только в 1807 г. в городе и уезде начинает свою многолетнюю службу штаб-лекарь Алапеус⁵.

В одном из своих первых рапортов в губернскую врачебную управу (1807 г.) Яков Алапеус дает картину широкого распространения заболеваний крестьян и смерти многих из них от желудочно-кишечной инфекции. Например, в специальном реестре он приводит данные об «умерших крестьянах вотчины помещицы Философовой: деревни Сущево - 39, Акулово - 6, Смыкова - 6, Тучкова - 7, Апарино - 9, Щепкино - 2, Осовец - 3, Глебле - 2, Мокрова - I, Бежаницкой Слободы - 1, сельцо Богдановское - 5». Такие же реестры были составлены и на умерших крестьян «коллежского асессора Николая Семеновича Чихачева», «секунд-майора Николая Креницына» и др.⁶ Дополняют картину заболеваемости и смертности крестьян новоржевских помещиков отчеты уездного исправника, содержавшие к тому же данные о численности крепостных. Так, в отчете за тот же 1807 г. новоржевский исправник сообщал: «Помещицы Философовой числится ревизских душ 400 муж. и 411 жен., умерли престарелых и средних лет муж. 31, жен. 36, малолетних муж. 8, жен. 6;

Шутова Марина Михайловна - старший научный сотрудник Новоржевского филиала Псковского музея-заповедника.

Николая Чихачева - обоева пола 1043, умерло муж. 26 и жен. 18, из них больных 19 муж., 9 жен.; Сергей Иванович Пуцин - по ревизии муж. 130, жен. 125, умерло 10, болен 2, родился I; майор Михайло Пуцин - муж. 109, жен. 100, умерло 6, болен I; полковник Алексей Иванович Львов - муж. 201, жен. 205, умерло 8; господин Сергей Сергеевич Ланской - муж. 150, жен. 187, умерло 4». В этом же отчете исправник подчеркивает, что «в усадьбах помещиков Философовой, Бибикова, Николая Чихачева, Николая Креницына крестьяне пользовались штаб-лекарями Алапеусом и Квитницким в разные времена»⁷.

В 1814 г. по предписанию Псковского губернатора в Новоржеве была предпринята попытка впервые учредить больницу на 10 коек, но из-за малой суммы выделенных средств не нашлось подрядчиков для строительства здания. Решение вопроса было оставлено до лучших времен⁸, а обязанности по медицинскому обслуживанию населения продолжал выполнять штаб-лекарь Алапеус. В его практике отмечены и не совсем обычные дела: ему приходилось иногда выполнять функции, выходящие за рамки служебных полномочий. Так, в 1823 г. дочь помещика Николая Чихачева Анна, уже в течение семи лет фактически управлявшая имением 78-летнего больного отца, поставила перед губернским предводителем дворянства полковником Алексеем Львовым вопрос о медицинском освидетельствовании родителя. Чихачева признавали психически больным, а Анне необходимо было добиться передачи ей имущих прав, чтобы сохранить имение отца

и не допустить его разорения. Но согласно действующему закону освидетельствование дворян производилось только в губернских городах в присутствии первых лиц губернии, а Чихачев оказался нетранспортабельным. Тогда Львов ввиду «дряхлости летами и здоровьем отягощенного старика Чихачева» ходатайствует перед генерал-губернатором Паулуччи об освидетельствовании Чихачева в домашних условиях. Разрешение было получено, после чего в имение Чихачева в сопровождении уездного исправника Шушерина выехал лекарь Алапеус, который и произвел медицинское освидетельствование дворянина⁹.

Но Алапеусу гораздо больше приходилось заниматься своими прямыми обязанностями - проводить освидетельствования и лечить крестьянское население.

В 1824 г. в Новоржевском уезде вспыхнула эпидемия нервической горячки, унесшая десятки жизней. Уже в марте того же года Алапеус с тревогой сообщал в Псковскую врачебную управу об обнаружении «больных 50 душ, одержимых наносною эпидемическою нервической горячкой». Для борьбы с эпидемией в помощь новоржевскому лекарю управа снарядила островского лекаря Маслова. В конце месяца они в подробном рапорте сообщали: «Находясь беспрестанно в действии, мы оба, Слава Богу, успели - прекратили заразу! Вылечили больных 44 душ, 6 душ умерло». Уже в мае они сообщают о новой вспышке заболевания, на этот раз в деревнях помещицы титулярной советницы Екатерины Федоровой. В борьбу с эпидемией включился старший лекарский ученик Берг, которому

Алапеус давал подробные рекомендации, работая вместе с ним. 11 июня с эпидемией удалось покончить, но через неделю, 19 июня, последовало сообщение городничего Андреева: «Находящийся в сем граде Новоржеве г. штаб-лекарь надворный советник и кавалер ордена Святого Владимира 4 степени Яков Алапеус после долговременной болезни сего месяца 16 числа волею Божею умре». Так закончил жизнь человек, отдавший около двух десятков лет жизни делу лечения крестьян уезда.

В августе того же года та же эпидемия вспыхнула в новом месте уезда — в имении помещицы Анны Бибиковой. Вновь назначенный уездным штаб-лекарем Маслов так объяснял причину распространения болезни: «Причиною сей болезни ничего другого не мог найти, как привитие им от приходящих больных белорусцев из заработков и ночевавших в оном селеении, ибо в которой избе был дозволен по милосердию сим больным ночлег, то на другой же день в том семействе сделалось двое больных и в короткое время по всему селеению тому болезнь сия распространилась»¹⁰.

За «пожарными» хлопотами по устранению эпидемии уездные лекари ослабили внимание к находившимся в Новоржеве солдатам, о чем сообщал врачебной управе комендант внутреннего гарнизона полковник Дертен: «Штаб-лекарь заведует тремя городами, отбывает из одного в другой, по часту поручая в Новоржеве должность свою лекарскому ученику Бергу, чрез что нижние чины остаются без надлежащего лекарства и в болезнях страждут, пища производится не такая, какую бы дол-

жно производить по положению и роду болезней»¹¹. Годом позже, в 1825 г., губернский предводитель дворянства новоржевский помещик Львов вообще ходатайствовал перед генерал-губернатором убрать уездного лекаря Маслова «за нетрезвое его поведение, ибо вместо помощи требующия больныя, получают от оною одни грубости»¹². В данном случае Львов действовал в строгом соответствии с Законом об уездных учреждениях, который требовал «удалять уездных врачей от должности, в случае важных преступлений или когда общество всего уезда будет свидетельствовать об их дурном поведении и лениности»¹³. Вот Львов и требовал избавить «новоржевское дворянство и уезд от определенного в оный штаб-лекаря Маслова».

В 1828 г. по Псковской губернии проехал с ревизией чиновник особых поручений Мантейфель, составивший подробный отчет о каждом уездном городе, в том числе о Новоржеве. Так, о существовавшей к тому времени городской больнице он писал: «Помещается в одном из корпусов Присутственных мест, в котором по предписанию Господина Министра Внутренних дел, помещены с чрезвычайной теснотою и все присутственные места, до исправления другого корпуса... тогда уже все будет распределено в надлежащем виде. Больница в теперешнем помещении своем весьма дурна: окна, двери, полы запачканы, кровати, штолы так же запачканы и не окрашены. Кухня совсем в другом доме и цехгауз также. Белье и халаты чрезвычайно грязны, больные жаловались, что часто по целому месяцу не переменяют на них и на постелях белья и не топят бани. Книг ника-

ких не ведется и при всем том, что комнаты высоки, воздух чрезвычайно тяжел. Пища больным хороша. Бедные горожане в оную не принимаются. Медицинский присмотр весьма слаб и уездный лекарь иногда бывает только раз в неделю. Смотрители столь дряхлы, что не могут подавать больным никакого пособия»¹⁴.

Но таким положение было не только в Новоржеве, а и в других городах России, что видно, например, из циркулярного предписания Министерства Внутренних дел гражданским губернаторам 1831 г. Министерство, отметив типичные недостатки в устройстве и положении городских больниц, рекомендовало строго руководствоваться Положениями о больницах, в которых, в частности, говорилось: «Больницы учреждаются вне города, но близ оно́го, вниз по реке, а не выше города, если можно на высоком месте и свободном воздухе. Здание должно быть не тесное и не низкое, чтоб в оном больные мужеска полу содержались особо от больных женска полу, чтоб больные прилипчивыми болезнями имели особливый покой»¹⁵.

«Хотя истекший 1842 год ознаменовался неправильными явлениями в отношении физическом, не сообразно со временами года, заключающимися в постоянной переменной погоде, - читаем в отчете Псковской врачебной управы, - народное здравие Псковской губернии было в дозрительном состоянии и нигде эпидемических и эндемических болезней не существовало и теперь нет. Господствовали же болезни при постоянной почти в продолжении года катаральной конституции, преимущественно в январе-феврале про-

студная лихорадка, воспаление глаз, жаба, по разным местам губернии изредка нервическая горячка, более в Новоржевском уезде, в другие месяцы в Великолуцком уезде желудочно-кишечные горячки, грипп и скарлатина в Пскове.

Из учреждения для врачебного пособия больных кроме городских больниц содержимых нацет приказа Общественного призрения других не имеется., в Новоржеве на 24 человека; аптек по губернии 9, годовое количество рецептов в Новоржеве 1520. Означенные учреждения освидетельствованы инспектором»¹⁶. В документах имеются упоминания о новоржевском провизоре Густаве Трейере, прослужившем до 1862 г.¹⁷

Записи инспекторского журнала, относящиеся к 40-м гг. XIX в., дают представление об улучшении дел в Новоржевской больнице: «Состояние Новоржевской больницы заметно каждый год улучшается, каковы отношения просторного удобного помещения больных, как равно чистоты и порядка. Продовольствие вообще хорошего качества и больные единогласны с благодарностью о призрении их отзываются. В кухне находится кубендуховая печь. Травы хранятся на чистых сухих чердаках в кулях с надписями. Лекарства ядовитые хранятся в надлежащем порядке. Книги ведутся исправно.. Лекарь Василевский како и прежде, так и теперь ревностный исполнитель возложенной на него обязанности, жалко только, что мало имеет практических занятий и поэтому довольно затруднительно живет, довольствуясь одним почти только жалованием (228 рублей в год)»¹⁸.

Обслуживание в больнице было, естественно, платным. Пла-

та за оказание различного рода услуг определялась соответствующим Законом, действовавшим на территории всей России. В нем подробно перечислялись тарифы, указывалось, за что и сколько денег должны были взимать медики с посетителей¹⁹.

А вот выписка из формулярного списка Новоржевского старшего лекарского ученика Василия Богданова, раскрывающая типичную «карьеру» людей этого ранга: от роду 28 лет, из мещан, православного вероисповедания; обучался в Порховском уездном училище. Службу начал в 1841 г. в г. Холме; в августе 1845 г. распоряжением Псковской врачебной управы переведен в г. Новоржев; в октябре того же года откомандирован в Опочку и уезд для участия в борьбе с эпидемией «горячки»; с октября 1845 по июнь 1846 гг. находился при Великолукской городской больнице; в августе-сентябре 1846 г. участвовал в борьбе с эпидемией холеры в Псковском уезде. В 1851 г. он умер, «оставив вдову и двух детей без средств к существованию»²⁰. Так чаще всего и складывалась жизнь мелких медицинских чиновников.

Уездным медикам приходилось постоянно заниматься и оспопрививанием, что являлось обязательным в России с 1756 г. Тогда в губернских и уездных городах были учреждены «Оспенные комитеты», в которые входили уездный предводитель дворянства, городничий или полицмейстер, благочинный протоиерей, уездный и городской врачи²¹.

Известно, например, что в 1811 г. старшим лекарским учеником Карлом Халкевичем было сделано по Новоржевскому уезду 60

прививок от оспы, а в следующем 1812 г. штаб-лекарем Кренком - уже 110²². С 1828 г. оспопрививанием в уезде занимались государственные крестьяне Трифон Васильев и Архип Антонов, выполнявшие эти обязанности до 1847 г., т.е. в течение почти двадцати лет. Об их работе сообщал в своем отчете 1845 г. Новоржевский уездный врач В.А. Сватковский:

«На 1845 год в Оршанской волости осталось не привитых 970 детей, привито в 1846 г. - 260; в экономии помещиков детей числится 4850, привито за год 312 Т. Васильевым и А. Антоновым. Мало число оспопрививателей и совершенное их отсутствие в экономии помещиков затрудняют чрезвычайно успешное оспопрививание». Всего же за 20 лет работы указанные крестьяне сделали огромное число прививок: Т.Васильев - 4979, А.Антонов - 2811²³.

В 1850-е гг. «Оспенные комитеты» были реорганизованы в «Уездные комитеты общественного здравия». В 1853 г., например, состав Новоржевского комитета включал в себя не только врачей, но и первых лиц уезда. Председателем его являлся Петр Иванович Бачманов - надворный советник, уездный предводитель дворянства, владелец сельца Крутцы, имевший 12 деревень с 724 крепостными и дворовыми. В комитет входили также уездный исправник - отставной поручик Иван Сергеевич Офросимов, владелец сельца Жуковичи, имевший 214 душ крепостных, священник Николаевской церкви, городской голова Дмитрий Степанович Катосов и др. (Кстати, Катосов владел трактиром и гостиницей, в которой по пути в Михайловское останавливался А.С.Пушкин). Что

касается непосредственно медицинских работников, то должность врача в составе комитета оставалась вакантной, а «медицинская часть» состава комитета была представлена штаб-лекарем Александром Федоровичем Бейерле - воспитанником Дерптского университета, начавшим медицинскую службу в 1841 г. в Кронштадте²⁴.

В период деятельности данного состава уездного комитета в доме новоржевского мещанина Василия Екимовича Воробьева в сельце Болотница Аксеновской волости был открыт приемный покой²⁵, и тогда же новоржевский городской лекарь Роберт Христианович Шинман, также воспитанник Дерптского университета, хлопотал о выделении для Новоржевской больницы должности фельдшера. «Число больных в Новоржевской городской больнице, - писал он, - постоянно находится от 15 до 25 и более, штатного же фельдшера при ней не имеется. Лекарские ученики, занимающие фельдшерскую должность, весьма часто прямую свою обязанность не исполняют, отлучаются в уезд, как для вскрытия мертвых, так и вместе с уездным врачом, преимущественно в летнее время для оспопрививания, и врач, оставаясь один, должен иногда делать операции, относящиеся к обязанности фельдшера. Сверх того часто встречаются больные, которые нуждаются в постоянном надзоре фельдшера не только днем, но и ночью. Потому быв постоянно в затруднительном положении, лекарь вынуждается иногда брать фельдшера на собственную ответственность». Врачебная управа нашла заявление Шинмана «заслуживающим внимания» и пошла ему на

встречу, направив в Новоржев из Островского уезда фельдшера Сапожникова²⁶.

«Уездный комитет общественного здоровья» не оставался неизменным, состав его менялся, но по-прежнему ведущее место в нем занимали не врачи, а крупнейшие помещики уезда. Так, последний предреформенный комитет (1861 г.) возглавлял уездный предводитель дворянства, отставной штаб-ротмистр Матвей Корнилович Бороздин, владелец сельца Ладино, имевший 10 деревень с 472 душами крепостных. В состав комитета входили также городничий - отставной поручик И.С. Концевич; исправник - отставной капитан 2-го ранга М.В. Бухвостов, владелец сельца Незнаниха; священник Николаевской церкви Николай Юнаковский; городской голова - купец 3-й гильдии В.И. Филимонов и др. Медицину уезда представлял уездный врач Александр Зарин, а также попечитель городской больницы коллежский секретарь Петр Илларионович Чихачев, 25-летний дворянин села Красного Новоржевского уезда, воспитанник Петербургского университета. Являясь попечителем Новоржевской больницы с 1857 по 1862 гг., он ежегодно вносил в ее казну 100 руб. серебром. Он же первым в уезде открыл на свои средства начальную школу для детей крестьян деревни Марыни, впоследствии получившую название Чихачевская-I²⁷.

К моменту реформы 1861 г. прошло 84 года со времени «реформы губернского управления» Екатерины II. За эти годы провинциальное медицинское обслуживание населения претерпевало изменения, взлеты и падения, становление и совершенствование. Как в

зеркале, отразились все новшества, вводимые в стране, в ее малой административной единице - городе Новоржеве и уезде. Медицинскую службу несли люди разных сословий, состояния, добросовестности и нравственности, но

все-таки новоржевцам больше везло на истинных служителей своему делу.

После крестьянской реформы 1861 г. организация медицинского обслуживания населения коренным образом меняется.

Примечания

1. Краткое руководство для врачей к познанию Российских законов, учреждений и государственной службы. СПб., 1843, с. 61.
2. ВФ ГАПО, ф. 324, оп. 2, д. 39, л. 1.
3. Там же, д. 120, л. 1.
4. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 53.
5. Там же, д. 203, л. 52.
6. Там же, л. 261, 265, 269.
7. Там же, л. 259, 286, 288.
8. Там же, д. 495, л. 1-3; ВФ ГАПО, ф. 31, оп. 1, д. 9, л. 52.
9. ВФ ГАПО, ф. 238, оп. 1, д. 30, л. 1-5.
10. ВФ ГАПО, ф. 117, оп. 1, д. 2, л. 47, 123, 124, 128, 129, 134, 135.
11. Там же, д. 1, л. 262-263.
12. ВФ ГАПО, ф. 238, оп. 1, д. 76.
13. Краткое руководство для врачей... С. 61.
14. ВФ ГАПО, ф. 238, оп. 1, д. 102, л. 35-36.
15. Об Общественном призрении в России. Часть IV. Дополнение к законам Приказа Общественного Призрения. СПб., 1831, с. 86, 395.
16. ВФ ГАПО, ф. 117, оп. 1, д. 12, л. 1, 21, 20.
17. Там же, д. 66, л. 200.
18. ВФ ГАПО, ф. 117, оп. 1, д. 12, л. 33, 34.
19. Краткое руководство для врачей... С. 50.
20. ВФ ГАПО, ф. 117, оп. 1, д. 39, л. 3, 4.
21. Краткое руководство для врачей... С. 91.
22. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 420, л. 21, 23.
23. ВФ ГАПО, ф. 117, оп. 1, д. 12, л. 164, 166.
24. ВФ ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 483, л. 76, 80; д. 879, л. 568; ф. 117, оп. 1, д. 33, л. 5-8; Памятная книжка Псковской губернии 1853 г.
25. ВФ ГАПО, ф. 57, оп. 2, д. 12, л. 6.
26. ВФ ГАПО, ф. 117, оп. 1, д. 66, л. 197; ф. 75, оп. 1, д. 676.
27. ВФ ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 879, л. 614, 615; ф. 117, оп. 1, д. 56, л. 3; ф. 75, оп. 1, д. 514, 809; Памятная книжка Псковской губернии 1861 г.